

Илья Бояшов
ТРЕЗВЫЙ
ГУСАР

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ПЕТЕРГОФСКИЕ
СТАРИНЫ

ТРЕЗВЫЙ ГУСАР

I

Случилось это в ту пору, когда, как говорится, гусары были дики и грубы, усы закрывали им всю щеку, и, не проспавшись еще от вчерашнего хмеля, с утра на плацу они напивались вновь, однако и пьяные карьером так исполняли деплояду, что любо-дорого было на этот их маневр смотреть.

Служил в те времена корнетом в Сумском гусарском полку малоросс Михайла Михайлович Музы́ка, родом из обедневших шляхтичей – из всей родни имел он лишь старенькую мать, которой отсылал в родовое имение под Житомиром половину жалованья. Этот Музыка ростом был столь великого, что, когда вскакивал в седло, казалось, самого высокого жеребца держит между ног, словно малого конька, и славился силой даже среди сумцев, которые все как на подбор были молодцы. На спор поднял он однажды на своих плечах брюхатую кобылу. Однако не тем Музыка славился, и даже не пригожестью, заставлявшей оборачиваться на него любую дивчину, а невероятным умением выпивать чуть ли

не бочками самую ядреную, самую крепкую водку и оставаться при этом на ногах. Удивительную особенность своего организма раз за разом демонстрировал он на попойках, перепивая товарищей и без числа выигрывая пари. Но несмотря на то, что происходил Музыка из местности, где любой парубок самого ушлого еврея за пояс заткнет, имел богатырь нрав совершенно простодушный, давал в долг налево и направо, зачастую забывая о нем, чем многие его должники беззастенчиво пользовались, выпрашивая денег еще, тем более что грóши к Михайле благодаря картам, в которых ему более других везло, словно клеились.

Жил корнет, не тужил, пока не пришел приказ из Петербурга придать по эскадрону сумцев, изюмцев и мариупольцев славному лейб-гвардии Конно-гренадерскому полку: среди отбывающих к месту новой службы оказался и наш Музыка.

Сумцы тогда квартировали под Смоленском, однако рекрутов и лошадей для себя гусары по-прежнему брали из родных Сум, вот почему, вызвав корнета и протянув ему подготовленные бумаги, командир сказал Михайле, подергав свой ус:

– Знаю, трудно гусару оставлять гнездо, к которому он так привык, и менять доломан и ташку на гренадерский мундир, но долг обязывает. Кроме того, служить в конногренадерах – значит быть возле государя, ибо стоят они в самом Петергофе, а это великая честь. Только послужи-ка ты прежде мне, брат, службу. Поезжай-ка

с командой за рекрутами, и как отправишь их сюда с сопровождаемыми, то и сам свободен: прямым путем направляйся к новому месту. А теперь ступай к казначею за подорожными, от меня же прими за верную службу конверт. Жаль отпускать такого молодца, да ничего не поделаешь, не забывай нас, хотя последнее мое напутствие лишнее, разве можно забыть такую жизнь.

Делать нечего, корнет, погоревав с остающимися полковыми товарищами о прежней вольнице (некоторые с искренним сожалением расставались с ним еще и потому, что теряли забывчивого кредитора), закатил пирушку, о которой многие потом долго помнили, и поехал в Сумы. Выполнив там исправно все поручения, отправил Музыка с двумя вахмистрами новобранцев к Смоленску, пообедал в трактире при номерах и, не откладывая дела в долгий ящик, поворотил коня к заставе, намереваясь за неделю доскакать до Петергофа, а выданные полковником и казначеем ассигнации употребить на самые дорогие по пути гостиницы. Да вот сразу пошло все не так, как им было задумано. Выехав из городка, наткнулся Михайла на скверного вида экипаж, переднее колесо которого валялось на дороге: возница уже выпрыгал лошадей. Возле экипажа переминался с ноги на ногу господин, чернявый, словно цыган: он, обрадовавшись гусару, назвал его местным помещиком. Соскочив со своего Амура, без труда приподнял гусар допотопную карету, на ось которой возницей было насажено злосчастное

колесо. После недолгого ремонта собрался уже Музыка ехать дальше, но помещик принялся его уговаривать вернуться с ним в Сумы, намереваясь хорошо гусара угостить. Никакие отговорки не помогли, хозяин экипажа вцепился в своего спасителя, словно клещ. Поразмыслив и решив, что несколько часов отсрочки не помешают путешествию, Музыка согласился на обед, несмотря на то, что живот его еще был полон чугуном густого борща и кашпунном с тарелкой каши – однако что для гусара такая пицца! при случае ему и целый казан подавай!

II

Отправились они в город и вскоре оказались в доме помещика за столом, на который тотчас наметала дворня всяких яств, словно и ждала гостя. Хозяин, расположив гусара рядом с собой, показал на двух появившихся в зале здоровенных детей:

– А это мои сыновья! Старшему стукнуло уже двадцать пять годков. Подковы гнет. Но младшенький, хоть ему еще осмнадцать, во всем старшего переплюнул: когда в доме у нашего почтмейстера случился пожар, он на себе не только дорогие шкапы французской работы, но и целый рояль вытащил. Кабы сыновья со мной в нынешней поездке были, о помощи бы и речи не шло.

Чернявые молодцы уселись за стол и вместе с папашей и гостем принялись так убирать свини-

ну и баранину, что за ушами затрещало. Музыка по гусарской привычке от водки не отказывался, хозяин не отставал. После того как опустошили они пару графинчиков и принялись уже третий уговаривать, помещик заметил с одобрением, что сам он не дурак на хорошую выпивку и много раз оставался сидеть за столом, в то время как остальные валились вокруг, как снопы. Навидался он за свою жизнь и всяких крепких военных, которых тоже пересиживал, но вот его новый знакомый, пожалуй, будет ему равным.

Простодушный Михайла тогда и поведал о своем даре. Хозяин его словам не поверил. Музыка, разгорячившись, пообещал, что тотчас покажет свое умение. Хозяин стукнул кулаком так, что запрыгала по столу посуда:

– Я все Сумы перепивал, а уж в этом городке проживают такие пьяницы, которые и черта упоят, но никто еще со мною сравняться не смог! Давай-ка побьемся об заклад, что меня тебе не перескочить, а секундантом будет мой старший!

Здесь бы корнету дать задний ход и вспомнить о дороге, однако слова помещика Музыку крепко задели. Побились они об заклад. Старший детина разбил им руки, и помещик тогда крикнул дворе, чтобы та несла из погреба всю водку, которая там только найдется. Затем уселись гость с хозяином друг напротив друга, раздвинув тарелки, и принялись за работу, закусывая каждый стакан, как и было уговорено, лишь соленым огурчиком. Хоть помещик оказался на удивление крепким

и, раз за разом вливая в себя водку, лишь крякал и утирался салфеткой, да вот только Михайлу было ему не одолеть. К вечеру хозяин едва удерживался на стуле и весь почернел, словно помидор. Сумец же сидел как ни в чем не бывало, разве что расстегнул ворот своего доломана. Вслед за вечером ночь заглянула: показался в окне месяц, и хозяин свалился намертво.

О дороге и речи уже не шло. Дворовая девка привела Музыку в отведенную ему комнату и оставила там до утра.

Отоспавшись, собирался гусар откланяться, да не тут-то было! Встретили его помещицы сыновья. Младший молвил:

– Папаша наш больной лежит; что поделать – старость не в радость! Впрочем, нехитро переписать старика – а попробуй-ка потягаться с моим старшим братцем.

Взяли они Музыку с двух сторон за рукава и повели за собой. В зале стол вновь чуть ли не трещал от снеди. Делать нечего: гусар скинул ментик и ударил со старшим по рукам, а младшенький сделался секундантом. Старший взял было в рот вчерашнюю водку, поморщился, выплюнул и говорит:

– Разве это питье, что вы с папашей пили? Черт знает что это, а не питье! Тьфу! Его младенцам давать вместо материнского молока, и то ничего они не почувют и не чихнут даже. – И обратился к дворне: – Несите-ка нам лучше сюда нашей горилки, да такой, чтобы горло продирали

почище самого крепкого перца, чтобы дух от одного только ее запаха захватывало.

Не успел он это сказать, как появилась на столе бутылка, которую и руками-то было не обхватить. Принялись старший помещичий сын с гусаром за горилку, а младший взялся следить, чтобы у каждого в стакане зелья было поровну. Вот уже солнце принялось переползать из одного окна в другое, а они все пьют и закусывают. И насколько горилка оказалась злой, что у одного и у другого чуть ли не дым изо рта валит. Здесь даже привычный к полковому гулянию Музыка начал утомляться. Однако он виду не подает, и старший помещичий сынок ему ни в чем не уступает; сидит, словно к спине аршин привязан, не качнется, не шелохнется, стакан за стаканом подносит, ни капли не выплескивая, и знай проедает Михайлу глазами. Просидел так старшенький до полуночи напротив корнета, пока вся бутылка у них не опустела. Дворня уже спала. Музыка возьми и скажи:

– Отчего бы нам не сходить за новой бутылкой?

И встал из-за стола. Старший помещичий сынок попытался было за Михайлой таким же фертом вскочить, но рухнул без памяти. На том их пари завершилось.

Рано утром, натянув свои щегольские сапоги, гость проскользнул мимо спящей дворни в конюшню к верному Амуру. Вывел Музыка под уздцы жеребца к воротам, стремясь ускользнуть от здешнего гостеприимства, и столкнулся там нос

к носу со вчерашним своим секундантом, который сказал, усмехаясь:

– Не дело бежать отсюда такому бравному военному, не померившись теперь силой и со мной!

На сей раз стол хозяйский опустел, словно ночной плац. Стояли на нем лишь штоф и два приготовленных к поединку стакана. Между тем младший помещичий сын повел перед гостем речь:

– Вчера баловались вы с моим старшим братцем горилкой, однако для меня она слабовата! Вот почему принес я от здешнего немца-лекаря приготовленного им шнапсу; шнапс этот настоян в особых колбах, отчего имеет такой крепкий градус, что, лишь вдохнув его, тот, кто похилее нас с тобою здоровьем, не только с ног свалится, но и со своей душой распрощается.

Удивился Музыка: что еще может быть крепче вчерашней горилки, – а младший уже раскупорил штоф – и впрямь пошел от того шнапса по всей зале такой дух, что Михайле стало как-то не по себе. Заметив это, спорщик сказал:

– Чтобы ты не думал, что собираюсь я тебя отравить, я перед тобой выпью первым, а затем и ты попробуй.

Сказав, тотчас опрокинул в себя зелье, вытер как ни в чем не бывало губы и, наполнив стакан гусару, произнес:

– Ну, а теперь за мною и ты! Посмотрим, крепок ли ты на самом деле!

Музыка выпил – и тотчас очутился посреди улицы: ни коня, ни мундира, сам босой, в ка-

ком-то тряпье – а в голове его стоял такой звон, который никак ему было не стряхнуть. Напрасно он оглядывался: помещичий дом и ворота исчезли, словно их и не существовало на свете. Жались друг к дружке незнакомые дома и мазанки, и редкий народ, проходящий по своим делам, отшатывался от Музыки. Хотел было корнет спросить обывателей о том, где находится, да вот только вместо речи получилось одно мычание. В голове его завертелась мысль поскорее бежать из проклятого места. Поддавшись ей, Михайла бросился вон из злополучных Сум и, миновав северную заставу с уснувшим в будке солдатом-инвалидом, принялся пылить по дороге. Крестьяне, которые развалились в телегах, запряженных волами, при виде оборванца оживлялись и терли заспанные глаза, бабы их невольно крестились. Между тем звон еще более принялся корнета донимать, шатало его, словно самого последнего пропойцу. Едва не попался он под копыта фельдъегерского коня; курьер, выругавшись, от души протянул бродягу плеткой. Но даже боль не отрезвила гусара: так и перебирал Музыка ногами, минуя хутора и рощи, а вечером, к ужасу своему, обнаружил, что прибежал обратно в Сумы и стоит посреди той же улицы: всё так же от него сторонятся люди, а он мычит им, словно бык. Тут и ночь подоспела. Где провел ее несчастный гусар, он не помнил. На следующий день Музыке еще хуже стало: такая пелена перед глазами, хоть ее руками разгребай. Ноги понесли сумца

к южной заставе; оказался он в буреаках, из которых может выбраться разве что тамбовский волк. Целый день продирался Музыка сквозь чащу, которая становилась все более глухой. К вечеру вырвался опоенный гусар к показавшимся огням, и вновь перед ним были Сумы.

Лишь на третье утро, как только запели петухи, догадался корнет обратить свои глаза на стоящую неподалеку церквушку. Искренне взялся он просить о помощи Богородицу. Помолившись, рванул Музыка теперь уже на восток напрямик по полям и к полудню выбрался к странной насыпи – лежали на ней тонкие железные палки, скрепленные между собой болтами, а под ними деревянные брусья. Для гусара такое диво было уже чересчур. Но не успел обессиленный Музыка вновь обратиться к Небесной Покровительнице, как послышались свист и шум. С ужасом разглядел корнет огромную бочку, которая выползла из-за близкого леска и надвигалась по насыпи прямо на него. Валил от нее во все стороны то белый, то черный дым. Приблизившись, бочка так загудела, что схватился Музыка за уши, и последние силы его оставили.

III

Очнулся он в какой-то узкой комнате, на койке, которая изрядно покачивалась; напротив на столике дребезжала аптекарская склянка. Почувствовав, что дурман исчез, Музыка несказанно

тому обрадовался, но настолько еще оказался слаб, что, подняв голову, тотчас уронил ее на подушку. Здесь-то и склонилась над ним молодая дама, по виду богатая барыня, а то и княжна, и такие от нее исходили ароматы, что корнет, приготовившийся было вновь потерять сознание, невольно взбодрился.

Красавица, потрогав лоб молодому человеку, смотрела на него с печалью. Увидев, что гусар пришел в чувство, она поведала: ее слуги подобрали его на насыпи почти бездыханного. Разглядев на нем золотой крест и заподозрив, что, несмотря на свой бедный вид, он человек благородный, слуги принесли гусара в вагон: там больному было влито лекарство, для чего пришлось разжимать Музыке ножом зубы, и после спал он целые сутки. Сказав это, дама серебряной ложечкой вновь напоила спасенного эликсиром из медицинской склянки. Вскоре почувствовал Музыка себя лучше. Привстав, рассказал несчастный спасительнице, кто он такой есть, как оказался в Сумах и что с ним впоследствии случилось. Дама вот что ответила:

– То не помещик с сыновьями были, а черти. Лекарь же, от которого принесли отраву, настоящий немец – все они, немцы, для нас чернокнижники. И это тебе показалось, что минуло всего три дня, а на самом-то деле пробежало уже без малого тридцать лет. Совсем было погубили тебя нечистые, да вот только Богородица, которой ты, Божий раб, догадался помолиться, спасла:

вывела на насыпь. Рельсы, столь тебя удивившие, называются *чугункой* или железной дорогой; они недавно по этим местам проложены, паровая машина возит по ним за собой вагоны. Что же меня касается, многого про себя не раскрою, скажу лишь, что я берегиня – из тех, кто с древних времен спасает матушку Россию. Нас сама Божья Матерь послала охранять страну, которую она взяла под свое покровительство, и с давних пор мы здесь незримо для многих присутствуем. Нас, берегинь, от простых смертных одно отличает – у каждой на левой груди голубая жилка. А чтобы окончательно ты излечился, предложу я тебе снадобье, выпив которое ты не должен уже за всю свою жизнь ни вина, ни водки в себя принять. Запомни: если хоть каплю самого слабого ликера после него попробуешь, не только сам погибнешь, но и для всей святой Руси сделаются великие бедствия. Более ни о чем меня не спрашивай, скажи только, согласен ли, и если согласен, то все устроится самым лучшим образом.

Вспомнив о том, как было ему худо и какая брага бродила в его голове, гусар согласился. Красавица берегиня достала тогда из небольшого саквояжа скляночку, протянув ее со словами:

– Пей до дна, и с этой поры, покуда будешь трезв, ничего ни с тобой, ни с Россией не случится.

Михайла долго не раздумывал. Во всем поверил он спасительнице, отнеся случившееся с ним к Божьей воле. Лишь утверждение о том, что прошло с тех пор целых тридцать лет, никак не мог

принять. Дама попросила тогда слуг принести газеты; тотчас подали им «Петербургские ведомости». Убедившись в ее правоте, подумал гусар о матери. Берегиня, поняв, о ком он печалится, сказала:

– Матушке твоей царствие небесное, скажу одно: жила она, как истинная христианка, молилась за своего сына, и кончина ее была спокойной. О службе же своей не беспокойся, я выдам тебе и одежду, и бумаги, с которыми прибудешь на место – и никто тебя ни о чем не спросит, не смотря на то, что минуло столько времени. Главное, сам молчи. А встретишь государя, передай ему: погибель наша там, где солнце заходит; пусть о том он всегда помнит.

IV

Так-то оно и произошло: когда заявился корнет в Петергоф к командиру лейб-гвардии конногренадер, генерал-майор Максимович документы принял, ни о чем его не расспрашивая, и поздравил с началом новой жизни, а следом казначей с каптенармусом выдали вновь прибывшему положенное довольствие. В полку радушно Музыку встретили малороссы, которые служили здесь в большом количестве: были здешние ротмистры и поручики родом из-под Киева, из-под Изюма, вместе с ними тянули гвардейскую ляжку мариупольцы и полтавцы, и даже с самыми из них буянами, благодаря своему незлобивому нраву,

Музыка вскоре сошелся. Помня наказ берегини, благоразумно держал он за зубами язык, и служба его вскоре потекла как по маслу; ходил корнет на разводы, исправно нес караулы в петергофских дворцах, на дрессировке в манеже и на выездах был одним из первых; и, несмотря на свой рост, не раз брал призы на скачках, оставляя за собой квартировавших здесь же лейб-гвардии драгун и лейб-улан.

К солдатам, находящимся в его подчинении, оказался бывший гусар весьма требовательным. Но вместе с этим природное добродушие Музыки не позволяло прибегать ему к излишней строгости. Правда, однажды в полковой кузне, рассердившись на скверное качество железа, переломал он стгоряча своими ручищами несколько подков, отчего и получил от своих рядовых и ефрейторов за глаза прозвище Подкова. Однако не только на службе он отличался: в полковой церкви сделался Михайла одним из самых заметных прихожан. Имея голос наподобие иерихонской трубы, часто вырубал он природным басом солдатский хор, в праздники сам вызывался нести хоругви, читал на клиросе Святое Евангелие и молился столь искренне, что вызывал этим тайную ревность священника, часто ставившего Музыку в пример своим дьяконам.

Командир эскадрона, признав в сумце природного служаку, всячески последнего поощрял, донося командованию о его усердии. Числившиеся в полку высочайшие особы неоднократно Музы-

ку привечали. Однажды после смотра удостоился малоросс от одного из великих князей серебряных часов с императорским вензелем. Неудивительно, что вскоре получил Музыка чин поручика. И все в бывшем гусаре вроде бы оказалось без изъянов; во всех отношениях являлся Михайла образцовым военным, однако сразу отметили новые товарищи в нем качество, враждебное офицерским обычаям. Музыка не брал в рот ни капли спиртного, хотя исправно посещал пикники, офицерские собрания, танцевал на балах, а также не прочь был присоседиться к игрокам за ломберным столом, за которым ему, как правило, везло и в вист, и в ломбер. Но даже продувшись в игре – а случалось и такое в его соревнованиях с одним уланским капитаном, непревзойденным во всем Петергофе картежником, – не изменял он своему добродушному спокойствию. Как и во времена прежней службы, с деньгами расставался Музыка без сожаления, мог сунуть в долг и забыть об этом. Однажды на празднике вместо воды налили ему очищенной *смирновской*; он было поднес водку к губам, но вовремя принюхался. О случае этом долго помнили: бросив под ноги бокал, повел себя Михайла для собравшихся однополчан в высшей степени неординарно – упав на колени, принялся молиться, призывая Божью Матерь простить своего раба. Потрясение его оказалось столь велико, что перепугались не только офицерские жены. После над Подковой уже не шутили, списав все на особенности его характера.

Дамы хоть и не переставали с ним по своей природной привычке заигрывать, но давно заметили: поручик сторонится женского общества. Чем занимается Музыка, находясь вне службы, не ведали даже самые любопытные; никто не знал, что находится за дверью крохотной его квартиры на Знаменской улице, которую снимал он у одного обывателя. Вот почему одни склонялись к тайному монашеству бывшего сумца, другие, напротив, разглядев в малороссе чуть ли не черно-книжника, уверяли, что трезвость его не к добру.

V

Долго ли, коротко ли, о Музыке прознал сам государь. Разбирал Александр III возмутительный случай: один капитан до того набрался в «Красном кабаке», что принялся рубить саблей все, что попадалось ему на глаза. По счастью, вовремя выбежавшие люди не были задеты, однако многим стульям, а также многочисленной посуде в буфете пришел конец. Капитан на том не успокоился: выбежав из кабака и согнав с козел повстречавшегося с ним на свою беду извозчика, утопил затем его повозку в канаве, сильно при этом покалечив лошадь, единственный источник существования несчастного бородача. Когда же дебошира вытаскивали и вязали, прилюдно изрыгал он хулу не только на свое непосредственное начальство, но и на многих государственных особ.

Спасая от царского гнева собравшихся в Гатчине полковых командиров, генерал-майор Максимович возьми и оброни:

– Есть у меня, государь, во втором эскадроне непьющий поручик.

Александр сильно тому удивился:

– Что-то ты мне, Максимович, врешь!

Командир конногренадер поспешил государя уверить: служит-де у него некий Михайла Музыка, малоросс огромного роста; будучи писанным красавцем, он тем не менее нрава совершенно скромного, а силища у него такова, что подковы не только гнет, но и ломает. Один великий князь, присутствующий при разговоре, подтвердил:

– Я того Музыку, государь, знаю.

Самодержец, сам гнуший пятаки, пообещал:

– Буду в Петергофе, обязательно на вашего феномена посмотрю.

Приехав вскоре в Петергоф, государь тотчас приказал позвать Музыку. За бывшим гусаром и ходить далеко не надо было: полковые казармы располагались недалеко от дворцов. Царь, оглядев молодца, спросил:

– Правду сказывают о тебе, что ни капли в рот не берешь ни в повседневной жизни, ни на праздниках?

– Истинную правду, ваше величество!

Император поинтересовался, в чем причина подобной трезвости. Музыка отвечал: не велит ему пить Владычица Небесная. Александр, поощрив Музыку за такое удивительное для офицера

качество перстнем со своей руки, хотел было его отпустить. Михайла, сообразив, что представился случай, поспешил царю молвить:

– Долг мой сказать вашему величеству: погибель наша там, где солнце заходит.

Государь, в то самое время сердившийся на германского короля и обдумывавший, как его наказать, был удивлен. Он просил Музыку повторить сказанное, а после задумался. И столь сильно поразил Александра ответ, что с тех пор, прибывая в Петергоф, непременно царь звал Музыку к себе; любил он работать, когда тот стоит за его спиной. Трудился император за столом в своем кабинете, читая депеши и подписывая бумаги, а трезвый гусар ничем о себе не напоминал. Но как только царь начинал сердиться на Европу, грозя кулаком в пространство и обещая ей такой мордобой, какой она, подлая, вовек запомнит, тут же он поворачивался к Музыке:

– А ты как, Михайла, думаешь, стоит англичанам показать кузькину мать?

Музыка всякий раз отвечал одно:

– Погибель наша там, где солнце заходит.

Государь хмурился, сопел и махал рукой:

– Черт с ними, с англичанами, этих каналов за все их художества Бог накажет!

Сама императрица Мария Федоровна Музыку привечала: поручик одним только своим присутствием благотворно действовал на ее мужа. Неоднократно преподносила она бывшему сумцу шитье и акварели, на которые была известная

мастерица. Царицыны подарки, несмотря на их внешнюю скромность, дорогого стоили; многие в императорском окружении все бы отдали за такие знаки внимания. Михайла же нисколько своим приближением к государю не кичился и тем, кто просил его перед царем за них ходатайствовать, всякий раз отвечал:

– Я Богородицей у его величества не для того поставлен!

Неудивительно, что вскоре расплодился он недоброжелателей. Шептались по углам, что, будучи чернокнижником, щирый хохол государя околдовал. И ведь многие шептунам верили, но по своей рассеянности Музыка интриг за спиной не замечал. Великие князья не раз спрашивали государя:

– Отчего вы, ваше величество, не заберете конногренадера к себе в адъютанты?

Царь вот что им говорил:

– Так как сам я люблю пропустить рюмочку-другую, он мне, человек безгрешный, будет тогда постоянным укором.

И правда, приезжая в Петергоф, самодержец взял себе за правило при Музыке никаких водок и вин не пробовать. Что же касается внешней политики: как только решался важный вопрос, Александр всех советчиков от себя отсылал – один Музыка непременно при этом стоял у него на часах.

Прошло несколько лет. Во время отсутствия царя Михайла тянул свою лямку, обучая новобранцев верховой езде, играл в карты, давал

в долг, являлся примерным прихожанином и после службы запирался у себя в квартирке на Знаменской, которую не менял, несмотря на то, что по царскому указу гвардейским полкам ощутимо было прибавлено жалованье. Впрочем, будучи холост и не подавая местным дамам никаких надежд, в деньгах Музыка и ранее не нуждался, а природная неприхотливость и вовсе избавляла государева любимца от излишних трат на лошадей, перчатки, эполеты и военное платье, выгодно отличая его от многих сослуживцев, которые душу готовы были заложить не только банкирам, но и самому черту ради анфилады комнат и эффектного выезда.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА